

Егор Тимурович ГАЙДАР

Клуб региональной журналистики

29.06.09

Ведущая: У нас на связи Калининградская область и Махачкала, а в зале ребята из Клуба региональной журналистики.

Гайдар: Дорогие друзья! Ключевой вопрос при обсуждении российской экономической политики в последние месяцы – это вопрос о том, будет глобальный экономический кризис длинным или коротким. Если вы посмотрите публицистику лета 2008 года, то найдете там немало публикаций, связанных с тем, что никакого глобального кризиса нет.

Статья Андрея Илларионова, опубликованная в июле 2008 года, - наглядная иллюстрация этой точки зрения. Во-первых, никакой рецессии в США нет. Во-вторых, если будет рецессия в США, то она не будет иметь серьезного влияния на динамику мировой экономики из-за возросшего влияния Индии и Китая. В-третьих, цены на наши основные экспортные товары не могут снизиться, потому что освоение новых месторождений нефти требуют существенно более высоких цен на нефть, чем те, которые были характерны для 1990-х годов.

Год тому назад я с одним из руководителей Центрального банка России обсуждал перспективы потоков капитала. Мы обсуждали вопрос о том, в каких масштабах будет происходить изменение потока капиталов на Россию. В 2007 году в Россию приток капитала составил 82 млрд. долл. Его гипотеза год назад состояла в том, что приток капитала в Россию сократится с 82 примерно до 25 млрд. долл. Речь идет о мнении весьма квалифицированного человека, более чем причастного к денежной политике России. По итогам мы получили отток капитала в размере 132 млрд. долл.

К счастью, мы были к этому готовы. Последние 4 года мне все время задавали вопросы, связанные с тем, зачем мы создали стабилизационный фонд и накопили столь масштабные золотовалютные резервы. Последний год

снял эти вопросы. Да, можно спорить о том, правильной ли была тактика плавного снижения курса рубля, которую мы приняли в сентябре прошлого года. Понятно, когда вы начинаете плавную девальвацию, после этого у вас возникает соблазн играть против курса национальной валюты. И если говорить о частностях, то я предлагал моим друзьям, которые руководят российскими денежными и финансовыми властями, иной сценарий – овершотинга. То есть, гораздо более глубокое снижение курса рубля при последующем переходе к укреплению курса. Это сэкономило бы нам 250 млрд. долл. золотовалютных резервов.

С другой стороны, не могу не признать, что у моих коллег, которые отвечают за финансовую политику, были свои весомые контр-аргументы. Суть их была предельно проста. Тогда население сочтет, что их очередной раз обманули. В целом, разница была не велика. Мы остановили падение резервов в январе. С января они у нас возрастают. Курс рубля укрепляется. Не могу сказать, что меня это радует, потому что это создает проблемы реальному сектору российской экономики. Но за все приходится платить.

То есть, мы приняли решение, столкнувшись с глобальным экономическим кризисом. Видимо, самым тяжелом со времен Великой депрессии. Мы приняли решение, что у нас есть приоритеты: стабильность собственной финансовой системы, стабильность банковской системы, сохранение золотовалютных резервов.

Как всегда, особенно в условиях кризиса, за все приходится платить. И мы совершенно сознательно заплатили за это. Первое. Падением промышленного производства. Если вы увеличиваете реальную процентную ставку и снижаете инвестиционные расходы бюджета, не трудно понять, что вы получите снижение объемов промышленного производства. Второе – это рост безработицы. Безработица никогда не была ключевой проблемой для России с точки зрения всех социологических исследований, которые проводились с 1990 года. Дефицит продуктов, инфляция, бедность – да. Безработица толком никогда не фигурировала в качестве важнейшего

фактора социальной озабоченности. Сейчас мы получили радикальное изменение ситуации на рынке труда.

Я не верю, честно говоря, в статистику Международной организации труда применительно к России. Для нашей страны все-таки важно то, в какой степени тебе нужно пособие по безработице. Если оно тебе не нужно, то что бы ни показывали данные обследований, это значит, что ты занят, скорее всего, в сером секторе экономики. Формально ты можешь назвать себя безработным, но за пособием по безработице не пойдешь. Поэтому я в большей степени доверяю данным по числу людей, подающих заявления на пособие. На самом деле, мы получили радикальное изменение этого показателя на протяжении последних нескольких месяцев. Безработица в России стала реальностью.

Мы получили радикальное изменение динамики промышленного производства и инвестиций. Все-таки 10 лет после того, как основные рыночные институты в России были сформированы, мы имели 7% роста ВВП в год и 10% роста реальных доходов населения. На этом фоне быть популярным очень легко. Для того, чтобы быть непопулярным на фоне роста доходов населения на 10% в год в реальном исчислении, надо очень сильно постараться. Переход к режиму, когда реальные доходы населения не увеличиваются на 10% в год, а сокращаются, это непростое испытание.

Собственно, мы создавали стабилизационный фонд именно потому, что понимали, что цены на наши основные экспортные ресурсы не прогнозируемы. Это специфика рынка наших основных экспортных ресурсов. Разная эластичность спроса и предложения по цене в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Попросту говоря, если вы привыкли ездить на работу на машине, то даже если цены на бензин вырастут в 3 раза, вы, скорее всего, не откажетесь от обычной для себя организации собственной жизни. Но в долгосрочной перспективе вы подумаете: а не стоит ли купить себе велосипед или перейти на трамвай или купить машину с меньшей мощностью двигателя, более

экономичную? То есть, в краткосрочной перспективе цены на нефть никак не отражаются на спросе. В долгосрочной перспективе отражаются сильно. Именно поэтому прогнозировать рынок нефти безумно трудно.

Лучшая работа, которую я читал по прогнозированию цен на нефть, выпущена Международным валютным фондом. Она была посвящена тому, кто никто не знает этого. Лучшая модель: «пьяная походка вокруг существующей цены на нефть». Что нам дает отвратительные результаты, но все другие модели дают результаты еще худшие.

Если вы при этом имеете экономику ядерной сверхдержавы, 80% экспорта которой, - это нефть, нефтепродукты, газ и металлы, тоже связанные с нефтью, то лучше подстраховаться. Лучше иметь какие-то резервы на случай, если по причинам, которые от вас не зависят, и которые вы не можете контролировать, - вдруг цены на нефть резко сократятся.

Советский Союз этого не делал, почему и столкнулся с тяжелейшим экономическим кризисом во второй половине 1980-х годов. Он оказался банкротом и распался. Мы извлекли некоторые уроки из опыта Советского Союза. Почему в 2003 году, прямо накануне резкого роста цен на нефть, и создали стабилизационный фонд, который потом был трансформирован в резервный фонд и фонд национального благосостояния.

Когда Россия столкнулась с кризисом 1998 года, связанным с событиями в Юго-Восточной Азии, наши золотовалютные резервы тогда гораздо большие, чем у Советского Союза, 26 млрд. долл., были легко истрачены. Это не были резервы в размере 580 млрд. долл., которые мы накопили в следующий период высоких цен на нефть. Тут мы могли потратить 210 млрд. долл. на то, чтобы девальвация рубля была достаточно плавной.

Дальше наша реакция на изменение ситуации на мировых рынках была не симметричной по отношению к реакции стран, которые обладали ведущими мировыми резервными валютами. Это было понятно. Европа, Америка, в какой-то степени Китай считали себя ответственными за стабильность мировой экономики. В этой связи предприняли меры,

направленные на экспансию бюджетных расходов, в первую очередь, в инвестиционной сфере. И на снижение процентных ставок. Потому что они пытались поддержать совокупный спрос. Председатель Федеральной резервной системы Соединенных Штатов, к счастью, был специалистом по «великой депрессии». В этой связи он более-менее понимал риски, связанные с «великой депрессией», и что с этим нам делать.

Мы приняли иное решение. У нас нет мировой резервной валюты. Рубль не является мировой резервной валютой. Да, он конвертирован по капитальным операциям, но как мировую резервную валюту его могут воспринять лет через 20. Поэтому мы приняли абсолютно асимметричное решение. Мы решили, что не будем снижать, а будем повышать процентные ставки для того, чтобы остановить отток валютных резервов из России. Мы провели плавную девальвацию рубля под контролем Центрального банка между сентябрем 2007 и январем 2008 года. Мы не увеличили, а сократили бюджетные расходы. В первую очередь, в инвестиционные проекты. Мы приняли решение отказаться от опасных экспериментов в налоговой политике.

Ведущая: Что вы имеете в виду, Егор Тимурович?

Гайдар: Под опасными экспериментами я имею в виду идеи отмены налога на добавленную стоимость, которая активно обсуждалась нашим премьер-министром. От идеи радикального снижения ставки НДС. Потому что НДС – это налог наименее эластичный по ценам на нефть. То есть, мы обменяли это на снижение ставки налога на прибыль, который существенно зависит от цен на нефть. И на некоторую либерализацию режима НДСП, налога, который зависит от цен на нефть. Я не могу сказать, что то и другое решения мне нравились, но я вынужден был сдаться.

С макроэкономической точки зрения мы подошли к этому кризису хорошо подготовленными, с приличными резервами. Реагировали на него чуть с запозданием. Потеряли примерно 6 месяцев, потеряли 200 млрд. долл. резервов. Но с точки зрения макроэкономики, в целом, нормально.

Ведущая: Егор Тимурович, вам обязательно надо сказать про современный момент. Как вы оцениваете текущую ситуацию?

Гайдар: Здесь и сейчас. С макроэкономикой мы справились. Сейчас у нас две ключевые проблемы. Это микроэкономика и политика.

Микроэкономика. Ладно, мы как-то справились с макроэкономикой. Хотя, цена огромная. Но к ней надо дальше адаптироваться. Это повышение производительности труда. Это сокращение занятости. Это рост уровня безработицы. Это тяжелые шаги. Начальство, которое готово было адаптироваться к изменившейся макроэкономической ситуации, пока не готово адаптироваться к мироэкономике.

Ведущая: Поэтому Путин и летает по стране, разбрасывая обещания?

Гайдар: Потому что будут перекрывать федеральные трассы, Транссиб. Надо закрывать предприятия. Надо сосредотачивать производство на наиболее эффективных, наиболее современных. Что будут делать люди, которые будут высвобождаться? Поедут ли они из Западной Сибири в Подмоскovie? Это совершенно не ясно.

Ведущая: Ясно, что не поедут.

Гайдар: Проблема такая. Либо ты сокращаешь 200, либо потом ты сокращаешь 400. Естественно, это требует активной государственной политики. Причем, идея, что ее можно импортировать из опыта «великой депрессии», она абсолютно не реалистична, а именно она у нас превалирует. Если человеку, который всю жизнь работал на военном заводе, дать лопату и сказать, что дальше будет копать дороги, ему это не понравится. Техника другая, чем была в 1920-1930 годы. Там надо знать, уметь ею владеть. Кто тебя научит сразу? В этой связи идея общественных работ популярна в части нашего начальства, но только потому, что они не понимают, насколько изменился мир.

Что можно делать в этой ситуации, кроме того, что увеличивать в бюджете долю пособий на безработицу? У нас была традиционная проблема, что закладываем в бюджет пособия по безработице, а не приходит

достаточного количества претендующих на эти пособия. Конечно, что предельно важно и нужно в этой ситуации, это развитие системы микрокредитований бизнеса. Условно говоря, чтобы человек с хорошей репутацией, которого только что высвободили из остановившегося оборонного завода, мог без залога получить кредит, позволяющий ему купить «ГАЗель», чтобы возить картошку из родной деревни на ближайший рынок. Ясно, что особая система кредитования. Она не вкладывается в нормальную банковскую систему. Но если 25 лет опыта создания таких систем вообще в мире не было, то сейчас она есть. Она есть и в России. Нам всего надо увеличить масштабы микрокредитования в 8 раз. Да, кое что надо изменить в законодательстве. Но все легко решаемо.

То есть, ты не даешь не рыбу, а удочку человеку, который способен этой удочкой управлять. Ты в залог отдаешь, условно говоря, кольцо любимой бабушки, но для этого местное сообщество должно быть согласно, что, во-первых, бабушка была любимой.

Ведущая: Доверие?

Гайдар: Да, доверие. Доверие местного сообщества. По этому поводу накоплен богатый опыт в мире последние 20 лет.

Ведущая: Про нобелевскую премию скажите.

Гайдар: Да, за это давали нобелевскую премию. Не в самой богатой стране. Я обсуждал эту тему с леди, которая отвечает за эту систему во Франции. Кстати, у нашего Института, видимо, будет совместный проект по этому поводу. Я был немножко удивлен, когда она мне говорила, что 25 лет назад во Франции вообще не было этой системы. Потому что это полностью противоречит логике организации банковского бизнеса. Залог, оценка риска. Сейчас это очень широко распространенная система в мире. И у нас она уже существует и укоренена. Это не то, что надо сделать с чистого листа.

Вопрос: А где она существует?

Ответ: Она существует по России. Этими активами занимаются в ВТБ24. Есть сеть кредитных кооперативов.

Когда Анатолий Борисович Чубайс уже расформировал свое РАО «ЕЭС России», но еще не пришел в нано-технологии, я ему позвонил и сказал: «У меня есть к тебе идея о твоей новой работе». Мой друг спросил: «А она столь же привлекательна, как твоя прошлая идея – заняться приватизацией в России?». Я говорю: «Нет, она гораздо более привлекательная. Сейчас у нас кризис. Займись борьбой с бедностью в России».

Ведущая: То есть, системой микрокредитации.

Гайдар: Да. Он подумал. Потом попросил разрешения включить громкую связь на ближайшего сотрудника. Две минуты думал. Потом сказал: «Идея гениальная, конечно. Но только в ней есть одна проблема. Зачем я нужен властям белый и пушистый? От бедности!». Это был веский аргумент.

Ведущая: То есть, не в качестве национального аллергена, а в качестве человека, который бы создал систему микрокредитования. Конечно.

Гайдар: Короче говоря, ситуация тяжелая. Сейчас будет длинная дискуссия в России по поводу того, что кризис кончился. Я очень хорошо знаю, какие организации закажут статьи, что кризис кончился. И зачем они это сделают. Разговаривал на эту тему на протяжении последних двух месяцев примерно с шестью экономистами, мнению которых я доверяю. Мнение всех нас: мы не знаем. У всех вызывает сомнение ситуация в банковской системе Европы. У всех вызывает сомнение проблемы с корпоративными бумагами постоянных доходов, и в какой степени может обойтись второй волной кризиса в первой половине 2010 года. То есть, ситуация крайне неопределенная.

Ведущая: Егор Тимурович, я бы хотела сконцентрировать ваше внимание на политике.

Гайдар: Я об этом писал в «Ведомостях». Управлять Россией при цене на нефть в 145 долл., это приятнейшее занятие. Причем, тебе даже не надо применять толком репрессии. Когда ты их применяешь, это непонятно зачем. Тебе не надо так жестко контролировать основные СМИ. Зачем тебе это надо, тебя и так будут любить. Кроме того, что люди, отвечающие за СМИ,

присутствующие здесь, знают, что такое была военно-учетная специальность 077. Это спецпропаганда, направленная на разложение войск противника и обеспечение контроля оккупированной территории.

Ведущая: А зачем это надо на родине?

Гайдар: Те, кто у нас отвечает за пропаганду на основных каналах, учились именно по этой военно-учетной специальности. Для обеспечения контроля на оккупированной территории.

Ведущая: А сейчас что делать?

Гайдар: А сейчас развилка. Первое. Естественный выход – это увеличивать масштабы контроля и репрессий. Прошу прощения, это касается тебя, дорогая. Это тупиковый путь. Как показывает весь мировой опыт, это кончается быстро и кроваво. Причем, и для тех, кто это решение принимал.

Второй путь – постепенная, не радикальная, медленная либерализация режима по образцу примерно Испании после Франко. Никто не гарантирует, что это легко. В Испании при Хуане Карлосе было нелегко. Там парламент чуть не расстреляли. Но это бывало отнюдь не только в Испании. Это единственный сценарий, который в изменившейся ситуации дает шансы на стабилизацию.

Ведущая: Шансы того, что существующее руководство предпочтет этот сценарий медленной либерализации, вам как оцениваются?

Гайдар: Я считаю, что они существуют с вероятностью существенно больше, чем 1%.

Ведущая: Ну, оцените!

Гайдар: 50%.

Ведущая: Вы оптимист! Как оценивается отказ от вступления в ВТО?

Гайдар: Здесь, что называется, оба хороши. И они, и мы. Я считаю, что решение идиотское. То количество ошибок, которое они наделали в рамках переговоров с ВТО, огромное. Они – это та сторона. Я обсуждал эту проблематику с ключевыми операторами процесса на протяжении десятка часов. Я пытался объяснить моим высокопоставленным западным коллегам,

что после того, как мы согласовали с Штатами, с Европой, с Китаем основные параметры нашего договора присоединения к ВТО, все время ставить вопросы со стороны Грузии, Латвии и так далее, это, мягко говоря, неправильно.

Я объяснял, что я сторонник членства России в ВТО. Считаю, что оно полезно. Обычно членство любой страны в ВТО дает прибавку роста ВВП на душу населения примерно на 0,5%. Нет ни одной страны, которая была бы членом ВТО, а потом бы вышла из нее.

Но вы не думайте, что мое мнение единственное в России. ВТО – это связанные руки власти. Это обязательства, которые власть берет на себя по поводу того, что она не будет делать. Вы думаете, что всем в России нравится эта идея? Это ошибка. Поэтому, если вы будете шантажировать Россию членством в ВТО, это меня можно шантажировать, а отнюдь не всю российскую.

Что дало в руки моим оппонентам, людям, с которыми я категорически не согласен, принять это абсолютно идиотское решение о том, что мы будем вступать в ВТО втроем? Это не имеет никаких прецедентов. Это никак юридически невозможно оформить. Попросту говоря, это отказ.

Ведущая: Я задам вопрос, полученный из Владивостока. От еженедельника «Конкурент». Можно ли говорить, что история с ленинградским Пикалево и приморским Светлогорьем, предприятия «Русский вольфрам», обозначили тенденцию на национализацию предприятий? На ваш взгляд, насколько эта мера вынужденная в период кризиса? Можно ли было решить эти проблемы иначе? Особенно с «Русским вольфрамом». Что будет с национализированными предприятиями после того, как кризис ослабнет, и последствия будут преодолены? Последует ли вторая приватизация?

Гайдар: Историю русской приватизации можно описывать тысячами томов. Но если суммировать произошедшее, я бы сказал так. До того, как

российская нефтяная промышленность не была приватизирована, в российском правительстве главным словом при обсуждении ситуации в нефтяной промышленности было слово «катастрофа». Далее обсуждались темы, связанные с тем, что мы будем делать, когда мы станем нетто-импортерами нефти, и куда нам переселять 200 тыс. человек из Нижневартовска.

После того, как российская нефтяная промышленность была приватизирована, у нас главной проблемой стало, не слишком ли быстро растёт добыча нефти в России, и как нам избежать ценовой войны с ОПЕК. Когда мы начали реприватизировать нефтяную отрасль, проблема ценовой войны с ОПЕК сама собой отпала. Потому что у нас перестала расти добыча нефти.

Ведущая: А что будет с Пикалевыми и Светлогорьями? Их правильно национализировали или это ошибка?

Гайдар: Если мы, как налогоплательщики, хотим, чтобы наши налоги шли на неэффективно работающие предприятия, это наш выбор.

Ведущая: Потом вторая была приватизация. Я могу ответить, кому нужно это Пикалево.

Гайдар: Они же живут распилкой финансовых потоков. Им до лампочки судьба предприятий.

Вопрос: Владимир.

В чем вы видите государственное регулирование экономики в кризис? В уже упомянули о системе микрокредитования бизнеса. Что еще включается в это понятие?

Вы сказали о медленной либерализации. Расскажите подробнее, пожалуйста.

Гайдар: Мировой экономический рост последних двух веков был основан на том, что называется «связанные руки власти». Когда все понимают, что власть ограничена в своих возможностях. Для этого нужно,

чтобы была свободная пресса. Чтобы было реальное разделение властей. Чтобы была реально независимая судебная система. Чтобы были элементы федерализма, реально функционирующие. Чтобы было местное самоуправление. Вот тогда экономика устойчиво растет. Я не обсуждаю вопрос о 5-10 годах, связанных с экстремально высокими ценами на нефть. Я обсуждаю вопрос о том, как она растет последние 200 лет. Пока и если у нас этого нет, то устойчивого экономического роста в России не будет.

Что надо предпринимать, кроме микрокредитования? Первое – не делать глупостей. Я разговаривал с руководителем одного из ведущих государственных банков. Он говорит: «Мне приносят документы о поддержке такого-то предприятия. Я думаю, что это такая чушь, что даже не стал писать протестную резолюцию. Это настолько очевидно, что это ерунда. Что я буду тратить свое время?». После этого решение было принято.

Вопрос: Муром.

Есть мнение, что контроль над финансовыми ресурсами в глобальном смысле является произвольным моментом, который поддерживает отмирающую часть экономики. Насколько справедливы такие рассуждения? Есть мнение, которое озвучил Чубайс в Давосе. Он сказал, что грядет новая экономика, вообще, новые социально-экономические отношения. И чем более скоротечным будет кризис, тем быстрее мы будем жить в этих отношениях.

Гайдар: Первое. Экономика США все равно является крупнейшей в мире. За долларом стоит длинная история валютной стабильности. Поэтому в разговоры о том, что доллар можно заменить какой-то супер национальной валютой, я не очень верю.

Ведущая: Сегодня было заявление главы Центробанка Китая. Он сказал, что Китай верит в доллар и так далее, и тому подобное. Чего другого можно было ожидать, если китайские золотовалютные резервы в долларах, и их около триллиона. Плюс пакет ценных бумаг американского казначейства

тоже номинирован в долларах. Китай обрушения доллара будет желать в последнюю очередь.

Гайдар: Китайское руководство всерьез обсуждает, что является серьезной темой, это когда Китай введет конвертируемость юаня. Я хорошо знаю суть дела и могу сказать, что китайское руководство активно обсуждает тему, когда, на каких условиях, в какой форме они перейдут к конвертируемости юаня по капитальным операциям. Это радикально изменит картину мира и сделает финансовый мир более сбалансированным. При существенно растущей роли китайской экономики в мире факт, что юань не является валютой конвертируемой по капитальным операциям, ее это стабилизирует.

Надо сказать, что китайские коллеги очень внимательно изучают российский опыт перехода к конвертируемости рубля по капитальным операциям. А мы перешли к этому режиму в 2007 году. Они стратегически приняли для себя решение, что юань должен быть валютой конвертируемой по капитальным операциям. Дальше они обсуждают вопрос техники: когда, в какой форме. Это все намного важнее, чем вся болтовня о введении наднациональной валюты. Для введения наднациональной валюты вам нужен единый Центральный банк и общее мировое правительство. Никак иначе это не получится.

Вопрос: Пермь.

Вы с Анатолием Борисовичем хорошая команда. Если честно, в нынешних условиях вам поступало или не поступало предложение, если не возглавить антикризисный комитет, то хотя бы стать главными или очень важными консультантами сегодняшнего правительства?

Гайдар: Мне поступало предложение, и я его принял вместе с Кофе Ананом, стать членом мирового антикризисного комитета. А в России – нет.

Вопрос: Тверь.

Ожидается в ближайшее время резкий обвал рубля?

Гайдар: Все будет зависеть от динамики цен на нефть. Центральный банк, Министерство финансов очень четко дали сигнал участникам рынка, что они будут проводить гибкую политику. Они не берут обязательств по курсу. Будут проводить гибкую курсовую политику. Они никогда не говорили это словами, но и так понятно, что будут ориентироваться на цены на нефть. Цены на нефть упадут, тогда будет понятно, что будет происходить с курсом. Цены на нефть не будут падать, и тоже будет понятно.

Вопрос: Санкт-Петербург.

Вы дали понять нам, что финансовую политику нынешнего правительства, вы более-менее поддерживаете. А что касается нашумевшего интервью господина Юргенса и его экономических тезисов, как вы к ним относитесь?

Гайдар: Я к Юргенсу отношусь, вообще-то, очень хорошо. Считаю очень квалифицированным человеком. Но боюсь, что просто не видел его последнего интервью.

Журналист: Он раскритиковал деятельность правительства. Он сказала, что надо быстрее поворачиваться, иначе мы останемся на уровне развивающихся стран.

Гайдар: Юргенс – очень квалифицированный человек. Я убежден, что все, что он сказал, было правильно. Просто я пропустил это интервью.

Ведущая: Могу добавить. Нынешние руководители Института ИНСОР, Игорь Юргенс и Евгений Гонтмахер, они, если угодно, отвязались. Что дает нам некоторую надежду на то, что сигнал о том, что они могут отвязаться. У нас же модно раздавать сигналы. Один раздает сигналы, другой осуществляет посадки. У нас такое разделение властей. Тем не менее, сигнал отвязаться был. Это ребята, которые сами, без крышевания, говорить не будут. Надеемся, что это не спроста.

Вопрос: Курск.

Как член мирового антикризисного штаба, скажите, пожалуйста, какая из стран наиболее успешно справляется с кризисом? Насколько, в зависимости от страны, различны антикризисные меры борьбы? Может, у какой-то страны появилась антикризисная технология, которую можно было бы взять на вооружение другим странам?

Гайдар: Все страны в разном положении. Их уравнивать нельзя. Если вы спросите про Латинскую Америку, я скажу, что Аргентина справляется с кризисом ужасно, а Чили хорошо.

Ведущая: А Великобритания?

Гайдар: Очень опасно.

Ведущая: Мы с ним, наверное, очень похожи. Потому что экономика у них зависит от финансового сектора, а у нас от сырьевого. И переоцененная валюта у них очень опасная.

Гайдар: Я очень с большой настороженностью отношусь к ситуации в английской экономике.

Ведущая: А Европа?

Гайдар: Там огромная проблема – банковская система. Они маскируют проблемы в банковской системе. Раньше или поздно они все равно вылезут.

Ведущая: Это невозвратные кредиты?

Гайдар: Конечно.

Ведущая: По все видимости, это так же, как у нас. Ведь у нас тоже маскируют.

Гайдар: Да. Боюсь, что у них больше объемы.

Вопрос: А в СНГ?

Гайдар: Очень тяжелая ситуация в Белоруссии, которую мы заливаем своими деньгами. Пока она как-то стабилизируется. Очень тяжелое положение на Украине в силу полного политического бардака. Очень противоречивое положение в Грузии. Саакашвили сделал очень много

приличного для борьбы с коррупцией. Но, конечно, Запад сильно помог Саакашвили в своем решении об одностороннем признании независимости Косово. Не буду комментировать личные характеристики. Но, конечно, проигранная война не усилила его позиции.

Ведущая: А борьба с кризисом в двух нефтяных государствах СНГ – Азербайджане и Казахстане?

Гайдар: В общем, и там, и там действия властей были более-менее разумными. В Казахстане девальвацию, конечно, надо было проводить раньше. Но это проблема, а не трагедия.

Ведущая: В Азербайджане совсем все хорошо?

Гайдар: Да чего там хорошего!

Вопрос: Воронеж.

Когда кризис только начинался, говорили, что часть стабилизационного фонда нужно пустить на модернизацию экономики. Насколько верно это утверждение, по вашему мнению?

И главный вопрос: достигли мы дна или нет? Хотелось бы услышать ваше мнение.

Гайдар: Моя позиция была полностью солидарна с позицией Министерства финансов. Расходы бюджета надо наращивать темпами, которыми растет ВВП. В противном случае это приводит только к «перегреву» экономики и разгону инфляции. То есть, растет у нас ВВП на 7%, давайте будем наращивать расходы бюджета на 7%. При росте ВВП в 2007 году мы нарастили в реальном исчислении расходы бюджета на 20%, мы получили «перегрев» темпов инфляции и ничего больше. Допустим, мощности по дорожному строительству за несколько месяцев не увеличиваются. Вы можете их постепенно наращивать, но не надо думать, что можно совершить чудо, и за 3 месяца нарастить мощность жилищного

строительства на 20%. У вас цены вырастут на дорожное строительство. Что и произошло.

Ведущая: Вопрос из Владивостока.

В 1990-е годы вы утверждали, что Дальний Восток рационально было бы осваивать вахтовым методом. Учитывая массовый отток населения из региона, выходит, что вы были правы. Жить здесь никто не хочет, а вот временно поработать, очевидно, не против. Сегодня мы видим, что правительство пытается разрабатывать очередную концепцию освоения Дальнего Востока, где ставится задача закрепить население и даже подстегнуть умершую природу в программу по переселению сюда соотечественников. Как вы относитесь к таким правительственным программам? Насколько реалистичными вы их считаете?

Гайдар: Есть замечательная работа, выполненная американскими исследователями, по поводу сравнительной динамики средней температуры мест проживания в Канаде и России. Дело в том, что средняя температура проживания в Канаде и в России накануне Первой мировой войны была примерно одинаковой. То есть, у нас примерно одинаковые температуры января, среднегодовые там, где живут люди. А в период советской власти траектории радикально разошлись. В Канаде люди переселились туда, где комфортней, а в Советском Союзе их закинули туда, где менее комфортно. В этой связи оказалось, что при сходных климатических условиях очень много наших сограждан живет в местах, где жить-то нельзя.

Поэтому совершенно не удивительно, а только рационально, как только административные барьеры были сняты, люди почему-то начали переселяться туда, где им комфортнее жить. И что теперь с этим делать?

Ведущая: Все-таки вахтовый метод?

Гайдар: Там, где надо, вахтовый. Естественно. Но если люди не хотят там жить!

Ведущая: Правильно. Ведь заставить нельзя.

А когда будет дно?

Гайдар: Не знаю.

Ведущая: Спасибо вам, Егор Тимурович!